

завидна участь пахарей, получающих страшные доходы, и достойна сострадания участь бедного лорда, едва имеющего ныне насущный хлеб.

⟨ИЗ № 10 „СОВРЕМЕННОГО“⟩

История России с древнейших времен. Сочинение Сергея Соловьева. Том четвертый. Москва. 1854.

Четвертый том сочинения г. Соловьева состоит из трех глав. Первые две рассказывают княжения Василия Дмитриевича и Василия Васильевича Темного. В третьей, важнейшей по содержанию и самой большой по объему (она занимает две трети тома), описывается «внутреннее состояние русского общества от кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкого до кончины великого князя Василия Васильевича Темного (1228—1462)». Намереваясь при первой возможности поместить в «Современнике» подробный разбор важного труда нашего достойного историка, мы здесь ограничимся обзором содержания интереснейших отделов последней главы вновь вышедшего тома, именно отделов, излагающих очерк нравов и образа жизни русского народа в XIII—XV веках. Материалы, доставляемые историку летописями, грамотами и другими произведениями тогдашней письменности для восстановления картины внутреннего быта наших предков в этом периоде, чрезвычайно скудны. Летописи сухи и заключают мало подробностей; грамот осталось нам от этого времени мало; других памятников — еще меньше. Потому и картина быта по необходимости должна быть неполна и бледна; но тем интереснее те немногие черты нравов и образа жизни, которые можно уловить в скудных источниках.

Важнейшими мастерствами были, как видим из рассказа летописи об основании города Холма, оружейное, кузнечное и медное, отчасти мастерство серебряных дел. О существовании других мастеровых, кроме плотников, каменщиков и живописцев, нет никаких известий. Потому г. Соловьев думает, что остальные ремесла, например, сапожное, портняжное, отправлялись домашнею прислугою. Об удобствах жизни также не имеем никаких известий, и должно предполагать, что их существовало очень мало. Богатый волынский князь Владимир Василькович во время продолжительной своей болезни лежал на соломе. Из подробных описей имущества московских князей, находящихся в их завещаниях, видим, что ценных вещей у них было очень мало. Так, например, Иоанн Калита оставил после себя двенадцать цепей золотых, восемь поясов золотых, шесть золотых чаш и два золотые кубка, золотую коробочку, три козуха, вышитые жемчугом, и три или четыре других плащев, также вышитых жемчугом. Еще гораздо менее подобных вещей показано в завещаниях Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича и Василия Темного. Это уменьшение бо-

гатств г. Соловьев приписывает тохтамышеву нашествию, большим издержкам в орде, снова усилившейся и раздраженной, и междоусобиям времен Василия Темного. Если так мало было ценного имущества у великих князей, продолжает г. Соловьев, то у простых людей ничего нельзя было найти, кроме самой простой и необходимой рухляди. О пище нет подробностей; можно только видеть, что бедные люди употребляли в пищу овсяный хлеб. Относительно нравов г. Соловьев замечает, что в северо-восточной Руси они были грубее, нежели на юге; он приписывает это различие в нравах отчасти соседству полудиких племен, отчасти влиянию самого климата, более сурового; еще сильнее было, по его мнению, влияние тяжких исторических обстоятельств на огрубение нравов XIII—XV столетий в сравнении с предшествовавшими.

«Нравы грубели; привычка руководствоваться инстинктом самосохранения вела к господству всякого рода материальных побуждений над нравственными; грубость нравов должна была отражаться на деле, на слове, на всех движениях человека. В это время имущества граждан прятались в церквях и монастырях, как местах наиболее, хотя не всегда, безопасных; сокровища нравственные имели нужду также в безопасных убежищах — в теремах: женщина спешила удалиться или ее спешили удалить от общества мужчин, чтобы волею или неволею удержать чистоту семейную; не вследствие византийского или татарского влияния явилось затворничество женщин в высших сословиях, но вследствие известной нравственной экономии в народном теле. Историк не решится отвечать на вопрос: что случилось бы с нами в XIV веке без терема? Но понятно, что удаление женщины, бывшее следствием огрубения нравов, само, в свою очередь, могло производить еще большее огрубение».

Всякого рода беспорядки, грабежи и воровство были самым обыкновенным делом; страсть к вину высказывается в сильной степени; часто мужья жили с женами без венчания. До какой степени чуждались иноземцев, доказывается тем, что псковичи недоумевали, позволительно ли пользоваться хлебом, вином и овощами, привозимыми из немецкой земли.

В конце главы г. Соловьев высказывает свой общий взгляд на нашу историю до Иоанна III:

«Мы окончили тот отдел русской истории, который по преимуществу носит название древней истории; мы не можем расстаться с ним, не показавши его общего значения, не показавши его отношений к следующему периоду. На великой северо-восточной равнине, на перекрестном открытом пути между Европой и Азией основалось государство Русское. То была обширная девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории. Отсюда древняя русская история есть история страны, которая колонизируется, отсюда постоянное сильное движение народонаселения на огромных пространствах. Населить как можно скорее, перезвать отовсюду людей на пустые пространства, приманить всякого рода льготами; уйти на новые, лучшие места, на выгоднейшие условия, в более мирный, спокойный край; с другой стороны, удержать население, возвратить, заставить других не принимать его — вот важные вопросы колонизирующей страны, вопросы, которые мы встречаем в древней русской истории. Из этого, по мнению г. Соловьева, легко понять происхождение льготных грамот, жалующих землевладельцам, населятелям земли».

Остановимся здесь на минуту и заметим, что колонизация обширных областей, лежащих на восток от Киева, Чернигова, Смоленска и Новгорода, действительно очень важный факт древней русской истории; быть может, справедливо кажется он г. Соловьеву даже важнейшим ее фактом, хотя с этим труднее согласиться безусловно; во всяком случае, заслугою г. Соловьева останется, что он обратил на него внимание. Но трудно дать в истории нашей важное место заботам о привлечении населения и объяснять ими происхождение льготных грамот. Скорее давались они для того, чтобы привязать к себе, удержать волость от принятия в князя соперника, нежели с тем, чтобы привлечь новое население. Об этом думали гораздо меньше. Правда, пленных часто выводили для поселения в своих землях; но так же часто продавали их иноземцам и жителям других волостей, как видно, более дорожа прибылью в имуществе, нежели в народе. Что искание новых земель, более, нежели искание новых льгот, было побуждением к колонизации, видим из обширности колоний Новгорода, переселенцы из которого, конечно, не могли ожидать новых льгот. Могли бы мы предполагать, что иногда колонистами управляли стремления, подобные тем, под влиянием которых образовалось впоследствии донское и запорожское казачество, — стремления к совершенной самостоятельности; но и этому желанию нельзя приписывать большого круга действия, потому что не видим в пограничных волостях особенных наклонностей к автономии, как потом замечается у донцов и запорожцев; не видим и того даже, чтобы жители новозаселенных земель отличались от оставшихся на старых местах по Днепру и Ильменю энергией и следствием ее — мужеством в боях. Напротив, кажется, справедливо г. Соловьев считает дружины и ополчения киевские, черниговские и новгородские более крепкими в бою, нежели войска восточных князей. А удаливость и отважность обыкновенно характеризуют колонистов. Потому едва ли не должно предположить, что колонизация происходила слабо и медленно, не оказывая большого влияния ни на характер жителей, ни на общественные отношения. Не должно представлять себе слишком обширным и то поле, по которому она разливалась в X—XV веках: за исключением вологодских и вятских поселений, очень немногочисленных, как это ясно из их состояния даже в XVII веке, в это время колонизовалось только пространство, занимаемое теперь губерниями Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Московской, Владимирской, южными и западными частями губерний Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской; всего в течение пяти или шести веков область новых земель, занятых, конечно, не густым русским населением, обняла пять, много — семь тысяч квадратных миль — пространство, вдвое, если не втрое, меньше страны, которую занимали сплошные коренные поселения русских славян в IX веке. Население этого пространства и теперь вдвое уступает

числом населению малорусских, белорусских, Псковской и Новгородской губерний; между тем известно, что в XV—XVIII веках оно умножалось гораздо быстрее, нежели население западных губерний; во сколько же раз оно должно было уступить этому последнему в XIII—XV веках? Не забудем также, что в его массе было довольно много ослабяившихся потомков туземцев — некоторые даже полагают, что большинство народа составилось из них — сообразив это все; мы едва ли не должны будем убедиться, что колонизация восточных волостей в X—XV веках совершалась медленно и число переселившихся не было громадно по сравнению с населением, оставшимся на своих прежних местах: из нескольких миллионов переселилось в течение пяти или шести веков несколько сотен тысяч, может быть, десятая, пятнадцатая часть всей массы приднепровских и ильменских жителей. Если же припомним, что много в том числе было уведённых туда в плен, то добровольное стремление населения с юга на север, с запада на восток окажется еще менее сильным. Во всяком случае, едва ли можно предполагать, чтобы много заботились о сильнейшем возбуждении его льготами и т. д. В самых понятиях г. Соловьева о различии общественных отношений старых и новых городов можно найти подтверждение мнению, которое осмелились мы здесь высказать, и которое, точно так же, как и мнение г. Соловьева, ему противоположное, нуждается в более точных изысканиях для того, чтобы получить или потерять право на прочное место в науке. Возвращаясь, однакоже, к его очерку общего характера событий нашей древней истории. Объяснив причины, по которым русские славяне должны были довольствоваться этим северным и восточным направлением, отказываясь от направления на юг, от которого были отрезаны наплывом угров, печенегов, половцев и татар, г. Соловьев продолжает, что, впрочем, и не было у русских славян даже в IX—X веках особенного стремления покидать свою родину, как это было в IV—VII у германцев, теснимых с востока и северо-востока:

«Славянские племена, вошедшие в состав русского государства, раскинулись широко и привольно по огромной северо-восточной равнине Европы; они не получали никакого толчка с севера и северо-востока; ничто не понуждало их покидать землю великую и обильную и отправляться искать новых земель, как то делывали германские племена на западе, ничто не побуждало их предпринимать стремительного движения целыми массами с севера на юг, и Святослав вовсе не был предводителем подобных масс: он оставил назади громадное владение, редкое население которого вовсе не хотело переселяться на юг, хотело, чтобы князь жил среди его и защищал его от диких степных орд: «Ты, князь, чужой земли ищешь, а нас здесь чуть не взяли печенеги», говорят киевляне в предании — знак, что у киевлян была своя земля, а чужой они не искали».

Мы выписали это место между прочим и потому, что оно служит подтверждением нашего мнения о незначительности стремления наших предков к переселению. Но вскоре обстоятельства из-

меняются, — говорит г. Соловьев, — южные области постоянно подвергаются сильным нападениям сначала печенегов, потом половцев, наконец, татар. Куда же было удалиться русским людям от плена и разорения? свободный путь оставался один — на северо-восток. В XIII веке и последующих татары теснят не только с юга, но и с востока, с запада начинает теснить Литва: «таким образом, — заключает г. Соловьев, — с востока, юга и запада население, так сказать, сгоняется в средину страны, где на берегах Москвы-реки завязывается крепкий государственный узел». Что Московские, Владимирские, Тульские области для жителя Киевской Украины могли быть убежищем от половцев, мы согласны; но еще ближе было искать от них убежища в Галицких и Владимировольских областях, и связи между Галичем и Киевом в XII—XIII веках гораздо теснее, нежели между Киевом и Суздалем или Владимиром на Клязьме. Если было сильное переселение из Киевской волости, то, конечно, на Воынь и в Галич; но мы не думаем, чтобы половцы в XII—XIII веках могли далеко оттеснить нас на юге, потому что и в IX—X веках южные границы русского населения не заходили далеко за Киев, а половцы грабили почти только одни города по Руси — до Киева они доходили не часто. От Литвы едва ли бежало много народа, потому что скоро Литовское княжество вступило в теснейшую связь с южно-русскими, и нашествия гедиминовых войск едва ли казались нашествиями чужеплеменников; и опять естественным убежищем от врага, идущего с севера, были бы для белоруссов и воынян не Московские, а Галицкие волости; что касается эпохи позднейшей борьбы Литовского княжества с Московским, в это время более ужасались татарских нашествий с востока, нежели литовских с запада, и едва ли мог быть прилив населения, например, из Смоленска в Калугу, грабимую татарами. Что татарские нашествия могли оттеснять население Рязанских и Тульских волостей к Москве, с этим нельзя не согласиться. Таким образом, из всех иноземных притеснений, исчисляемых г. Соловьевым, одни татарские могли, нам кажется, содействовать усилению Московской волости сравнительно с Курскою, Тульскою, Рязанскою; но сравнительно с западными областями сама Московская много проигрывала от татарских нашествий, и потому трудно сказать, больше ли они вредили ей или приносили пользы. Окончим, однакоже, нашу выписку, не задерживая читателей замечаниями о последующих воззрениях г. Соловьева, потому что эти замечания требовали бы гораздо подробнейшего развития, нежели какое могло быть дано им в настоящей статье, и найдут себе место в разборе, о котором говорили мы в начале нашей статьи.

«Таков был, в общих чертах, ход древней русской истории. Уже давно, как только начали заниматься русскою историею с научною целью, подчеркнуты были главные, особенно выдающиеся в ней события, события поворотные, от которых история заметно начинает новый путь. На этих событиях

начали останавливаться историки, делить по ним историю на части, периоды... Обыкновенно каждый писатель старался показать неправильность деления своего предшественника; мы не будем продолжать этих споров; мы начнем с того, что объявим все эти деления правильными; мы начнем с того, что признаем заслугу каждого из предшествовавших писателей, ибо каждый, в свою очередь, указывал на новую сторону предмета и тем способствовал лучшему пониманию его. (*Вот язык, достойный истинного ученого: какой прекрасный пример подает г. Соловьев этими словами!*) Но с течением времени наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое произошло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим».

«История знает различные виды образования государств: или государство, начавшись незаметною точкою, в короткое время достигает огромных размеров, в короткое время покоряет себе многие различные народы; обыкновенно такие государства, как скоро возросли, так же скоро и падают; такова, например, участь азиатских громадных государств. В другом месте видим, что государство начинается на ничтожном пространстве, и потом, вследствие постоянной напряженности сил от внутреннего движения, в продолжение довольно долгого времени распространяет свои владения насчет соседних стран и народов, образует громадное тело и, наконец, распадается на части, вследствие самой громадности своей и вследствие отсутствия внутреннего движения, исчезновения внутренних живительных соков: таково было образование государства римского. Образование всех этих древних громадных государств, какова бы ни была в других отношениях разница между ними, можно назвать образованием неорганическим, ибо они обыкновенно состояются нарастанием извне, внешним присоединением частей посредством завоевания. Иной характер представляется нам в образовании новых европейских, христианских государств: здесь государства при самом рождении своем, вследствие племенных и преимущественно географических условий, являются уже в тех же почти границах, в каких им предназначено действовать впоследствии; потом наступает для всех государств долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления, в начале которого государства эти являются обыкновенно в видимом разделении, потом это разделение мало-помалу исчезает, уступая место единству: государство образуется. Такое образование мы имеем право назвать высшим, органическим».

«Какое же образование нашего государства?» продолжает г. Соловьев и общим очерком событий показывает, что оно — второго рода, высшего, органического. Русские славяне, положившие основание будущей Российской империи, в IX веке занимали большую половину европейской России; восточная часть этой обширной площади, не занятая славянами, едва могла назваться населенною, будучи обитаема только рассеянными и малочисленными племенами финскими, не полагавшими почти никакого препятствия колонизации, почти добровольно и во многих случаях совершенно добровольно соединявшимися с славянами (предание о призвании Рюрика Весью, Новгородцами и Кривичами) и скоро превращавшимися в славян. Все эти страны очень быстро и без больших затруднений сливаются в одно целое. Потом они, в так называемом удельном периоде, распадаются на множество небольших владений, подобно тому, как распалась, незадолго перед тем, держава Карла Великого, и г. Соловьев проводит прекрасную параллель между родовыми отношениями наших князей с одной сто-

роны и феодальной связью западно-европейских владельцев — с другой; потом родовые отношения на Руси уступают место государственным, и Русь соединяется в Московское царство, как на западе из феодальных владений составляются большие государства.

Излишне говорить, что вновь вышедший том «Истории России» своим достоинством равняется предшествовавшим частям огромного труда г. Соловьева; излишне также повторять, что труд этот составляет, вместе с изданиями Археографической Комиссии, важнейшее приобретение нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет, и в скором времени мы надеемся подробно рассмотреть его отношение к предшествовавшим трудам и показать, насколько двинута вперед наука новейшими исследователями, в главе которых стоит г. Соловьев.

Историческое значение царствования Алексея Михайловича. Сочинение П. Медовикова. Москва. 1854.

Сочинение г. Медовикова не отличается ни полнотою, ни особенными достоинствами изложения; оно не уясняет ни одного вопроса. Что давно было известно всякому, хотя несколько занимавшемуся русскою историею, только то и повторил автор в своей книге; нового не сказал он ничего; факты изложены в таком объеме, что некоторые отделы главы о царствовании Алексея Михайловича в «Руководстве» г. Устрялова полнее соответствующих отделов книги г. Медовикова; другие события рассказаны полнее в таких общезвестных сочинениях, как «История российской церкви». Поэтому казалось бы, что не может быть оснований считать сочинение г. Медовикова заслуживающим большой похвалы. Правда, написано оно добросовестно; автор пересмотрел все важнейшие издания, в которых мог найти что-нибудь нужное для себя; ему хорошо известны не только отдельные сочинения, но и статьи периодических изданий, касающиеся его предмета. Он знает литературу русской истории. Однако, если не знать литературы своего предмета — важный недостаток, то знать ее не есть еще заслуга со стороны человека, решающегося писать ученое сочинение. Но не это одно достоинство мы находим в труде г. Медовикова; есть в нем качества более редкие — отсутствие ученого самолюбия и опрометчивых претензий на то, чтобы «выставить предмет в новом свете; открыть в нем новые стороны, поднять новые вопросы, показать неосновательность, односторонность прежних объяснений», одним словом — придумать какое-нибудь «новое воззрение на предмет».

Эти качества действительно довольно редки. Сколько есть ученых, не справедливых к своим предшественникам! Недавно мы указали один подобный случай, говоря о мелочных критических замечаниях на драгоценный труд г. Снегирева¹. А таких приме-